

Семь Чудес Рая

Автор:

[Роман Воронов](#)

Семь Чудес Рая

Роман Воронов

Не проходите мимо вывески "Путешествия в Рай", не откажите себе в удовольствии посетить это манящее всех грешников (а кто без греха?) место, дабы иметь уникальную возможность познакомиться поближе с главными достопримечательностями Рая, его Семью Чудесами. Соглашайтесь, не пожалеете.

Роман Воронов

Семь Чудес Рая

Семь чудес Рая

Вы проходили мимо сотни раз. Отчего я так решил? По слою нетронутой уличной пыли, вольготно расположившейся на узких ступенях, ведущих к глухой деревянной двери с табличкой «Путешествия в Рай», выцветшей на солнце, а посему еле приметной на таком же потрепанном временем дверном полотне. Если бы не ушастый бродячий пес, требовательно тьякнувший на меня в тот момент, когда я поравнялся с этим загадочным местом, не случилось бы со мной того, что случилось.

Городская улочка, убогая по замыслу зодчего из экономии места, здесь сжималась «животами» стоящих друг напротив друга доходных домов, вечно спорящих архитектурными излишествами фасадов и плюющимися из разинутых пастей горгулий в окна соседа во время проливных дождей, до предела. Неторопливый поток сонных горожан разгонялся в этом каменном горлышке, полируя стены домов пышными юбками, полами сюртуков и детскими бантами на туго заплетенных косичках.

Немудрено, что, поддавшись гипнотическому требованию ушастого, а судя по всему, еще и блохастого пса и остановившись посреди бурной реки, я навлек на себя справедливое возмущение налетающих на меня прохожих в виде изысканных выражений и некоторых сентенций, значение которых мне было неведомо.

Из состояния легкого оцепенения меня вывел увесистый подзатыльник и последовавший за ним, надо отметить, весьма прицельный, пинок в зад, отправивший мое мешающее общему движению бытия тело вверх по ступеням. Вышеописанная еле приметная дверь остановила мой полет гулким вздохом. Я поднял глаза и прочел: «Путешествия в Рай»; увеличивающийся в размерах синяк на лбу пообещал их незабываемость. Кряхтя, встал я на ноги и уткнулся носом в медный колокольчик с выбитыми на нем словами «Звонок означает ваше согласие», голова моя шумела и не могла сопротивляться неодолимому желанию дернуть за шнурок. Я сделал это. За дверью послышались осторожные шаги, щелкнул замок и в образовавшуюся щель влилось неестественно вытянутое лицо седовласого субъекта, напоминавшее одновременно и обмякшую особым образом свечу, и пса-зазывалу, испарившегося сразу же после моего знаменательного перелета через ступени. Усы на лице отлепились от бороды, обнажив чуть выступающие вперед редкие, но ухоженные зубы:

– Рад, искренне рад – пропело таинственное существо, и дверь распахнулась полностью. – Входите, дорогой путешественник.

Я ступил на каменный пол, покрытый таким же слоем пыли, что и ступеньки снаружи.

– Как идут дела? – поинтересовался я, старательно пряча издевательские нотки.

– Очень хорошо, – совершенно не смутившись, произнес хозяин заведения – процветаем понемножку.

Небольшая комната была меблирована двумя стульями, развернутыми навстречу друг другу; между ними на полу красовалась зажженная свеча.

– И светит, и греет – гордо заявил старичок, поймав мой взгляд. – Присаживайтесь.

Глядя на глубокие отпечатки, оставленные мной, я снова не удержался от сарказма:

– Последний посетитель отбыл прямо передо мной?

– Приятно иметь дело с прозорливым человеком, – улыбнулся гид по Раю, – недавно.

– Как недавно? – не унимался я.

– Тысячу лет назад, – не моргнув, ответил мой собеседник. – Но довольно о прошлом, перейдем к делу. Вы желаете посетить Рай?

Я согласно кивнул головой:

– Да, хотелось бы осмотреть достопримечательности.

Мне начинала нравиться абсурдность происходящего, хотелось дожидаться окончания спектакля, а в том, что старик ломает дурака, сомнений не было.

– Что ж, – отозвался мой собеседник, радостно потирая руки, – тогда вытяните ноги, поближе к огню, откиньтесь, закройте глаза и...

– И вы, оглушив меня своим стулом, обчистите карманы, – закончил я за него.

– Ваши карманы пусты, – не смущаясь, ответил старик.

– Откуда вам это известно?

– Рай не интересуется людей с достатком, им кажется, что они уже в нем, – нравоучительно продекламировал мой гид. – Не отвлекайтесь, закрывайте глаза, я проведу вас по Семи Чудесам Рая.

Я сомкнул веки, карманы мои действительно давненько не видели ничего, кроме собственного отражения, а старик не представлялся мне душегубом и разбойником, пусть ведет в Рай.

– Я буду называть вас Адам, – прозвучал его мягкий голос в моих ушах.

– Почему не по имени, которым нарекли меня родители? – расслабленно шевеля губами, поинтересовался я.

– Для удобства, – коротко ответил старик. – Итак, первое из чудес Рая – это Врата Рая. Не представляй их себе никак, все будет неправдой. Сила твоего воображения – лапка муравья, пытающегося стронуть с места корабельную mortiru. Путешественнику нужно знать только одно: Райские Врата всегда открыты.

– Для любого? Не думал, что Рай – проходной двор, – я все еще принимал происходящее за игру.

– Господь не придумал замков от своих детей, – строго заметил старик. – Дети сами изобретали щеколды и запоры на Врата Рая. Хочешь знать, как выглядит посещение Сада души? Ты подходишь к Вратам, достаешь собственный запорный механизм, с усердием навешиваешь его на створки, а затем начинаешь рваться внутрь, взывая к Небесам о снисхождении и прощении, переходя на проклятия и стоны о несправедливости Мира. Представь себе, каково Господу видеть это, не имея возможности нарушить Великий Договор и, поправ твое волеизъявление, открыть Врата, сметая твои же запоры.

– Получается, мы безумны? – прошептал я, пытаюсь открыть глаза, но веки мои налились свинцом и не желали приподниматься ни на волосок.

– Мы не безумны, мы напуганы: наши замки, затворы, запоры, крюки и щеколды – всего лишь страхи.

– Но кого или чего мы боимся?

– Бога, изгнавшего Адама из Рая, – мой гид хохотнул. – Нелепее ничего нельзя было придумать, но ничего страшнее не придумали, как записать это.

– Так этого не было?

– Нет, Бог не изгонял, он отпустил, оставив Врата открытыми, всегда и для каждого. В Рай не войдешь со Страхом, но исключительно с Любовью. Теперь попробуй представить себе Первое Чудо Рая, – старик пододвинул свечу вплотную к моим ногам.

– Я вижу ... – начал было я, но вскрикнул и одернул ногу от пламени.

Хитрый старикашка расхохотался:

– И не пытайся, муравью и двумя лапками не сдвинуть пушку.

Натуральный псих, решил я, он просто издевается надо мной.

– Продолжим наше путешествие? – как ни в чем не бывало спросил гид по Райским Кущам.

Уж очень мне хотелось послать его ко всем чертям, грохнуть стулом о стену и покинуть общество слабоумного гида с мазохистскими замашками, но веки не открывались, а пятая точка не реагировала на команды мозга и словно приросла к стулу. Мне ничего не оставалось, как согласиться:

– Угу, только без фокусов.

– Нет-нет, – бодро отозвался старик, – ни фокусов, ни магии, переходим ко Второму Чуду Рая. В самом сердце Фруктового Сада, на изумрудной лужайке, расположен Фонтан Райской Воды.

– Я не буду упираться третьей лапкой в мортиру, – съязвил я. – Перейдем от формы к сути.

– Прекрасный, начитанный интеллеktуал, – подыграл мне гид, – всезнающий путешественник теперь может представить любую форму, и это будет правдой, ибо форма в этом случае не имеет значения.

– Как это? – не удержался я.

– Муравей не стал Гераклом, но налетевший шквал сорвал канаты, и мортира полетела за борт. Кусок чугуна перестал нести смерть, лежа на морском дне, а чья сила привела к этому – не важно.

– Понятно – сказал я, не поняв ничего.

– В таком случае каков он, Фонтан Райской Воды, в твоём воображении? – тон старика был требовательным, но мягким.

В голове мелькали картины известных мне источников прохлады во дворцах и на городских площадях, я хватался то за один фрагмент, то за другой, но вписать мускулистый торс Самсона или разинутый рот Чудо-рыбы в неземные красоты Эдема не получалось. Видимо, муравей, невзначай зацепившись лапкой, отправился в бурные пучины вместе с мортирой.

– Не вспоминай чужое, создай свое, – подсказал проводник по райским достопримечательностям, и я тут же вообразил круглую чашу, в центре которой помещался высокий стройный стебель, увенчанный водяным цветком. Райская Вода, по всей видимости, поднималась внутри и изливалась вверху самым причудливым образом. Я описал увиденное старику, тот, удовлетворенно хмыкнув, сказал:

– Весьма похоже на правду и вот тебе само Чудо – та вода, что движется по стеблю и образует лепестки цветка – живая, а та, что упокоилась в чаше и неподвижна, словно зеркало, – мертвая.

– Движение – жизнь, – брякнул я с ходу и сразу же устыдился своей реплики.

Старик отреагировал спокойно:

- Движение телесное ли, умственное, имеющее началом своим состояние покоя душевного и есть живая вода. Когда же бурный кипящий поток успокаивается внешним обстоятельством, указующим на всю тщету его, он преобразуется в мертвую воду, период самосозерцания и осознания. Не испей, Адам, ни живой, ни мертвой воды по отдельности, но токмо смешав их в пропорциях равных, что называется истинною райской водою.

- Как же угадать с пропорциями? - заинтересовался я, уже протягивая во сне свои руки к фонтану.

- Исследуя и усмиряя, - ответил мой спутник, - а именно в балансе.

- Это все? - слегка разочарованно протянул я, рассчитывая на более подробную инструкцию.

- Со Вторым Чудом да, - сказал старик и отодвинул свечу от меня, при этом я все равно вздрогнул, как от ожога.

- Третье Чудо Рая известно тебе очень хорошо, мой любознательный Адам, - без предисловий продолжил мое путешествие седовласый проводник.

- Надеюсь, оно будет с гастрономическим оттенком? Я, признаться, проголодался, - пошутил я.

- Именно, - ответил старик, - речь о Яблоке Познания.

От удивительного совпадения я хмыкнул.

- Можешь не напрягать свои, к слову сказать, скромные, умственные способности, - Яблоко похоже на обычное яблоко.

Я представил себе Райские Кущи, полные невиданных древ, разноликих цветов, ароматизирующих все вокруг, густые, высокие травы, скрывающие живность красоты неопишуемой, ручьи прозрачных вод, кишаших рыбой, спорящей друг с дружкой раскраской и оперением, и среди этого божественного великолепия -

обычная крюкорукая яблоня с плодом, не отличающимся ничем от земного собрата.

- Скучновато, - буркнул я.

- Дело не в форме, - ободряюще произнес мой гид.

- А в содержании, - закончил я фразу.

- Не угадал, - развеселился старик, да так, что захлопал в ладоши.

- В чем же тогда?

- В целеполагании, дорогой Адам, в це-ле-по-ла-га-нии.

- В таком случае прошу вас быть по-точ-нее, - собезьянничал в отместку я.

- Пожалуйста, - улыбаясь, продолжил мой собеседник. - Плод на ветке - нетронутая Истина, непознанная, но существующая Суть чего-либо. Если угодно, муравей видит чугунную форму орудия, но не имеет представления о ее весе.

Сорванный плод определяет границы добра и зла, высвечивает дуальность мира. Муравьишка уперся в бок mortarы, но безрезультатно - значит, это тело отличается от травинки, что давеча, легко закинув себе на спину, он притащил в свое жилище.

Надкушенное яблоко вскрывает суть, наполнение и вкус, а если яблоко отравлено, - еще и агрегатный переход в другое состояние.

- А что с муравьем? - спросил я, чтобы выиграть время и осознать сказанное.

- Попробовав mortarу на зуб всеми шестью лапками, насекомое теряет интерес к объекту, ему непостижимому (в нашем случае недвижимому и несъедобному).

Я задумался: значит, чтобы познать истину, ее нужно обозначить для себя.

– Сорвать с ветки, – старик словно услышал мои мысли, – отделить от Всеобщей Материнской Истины, а затем...

– Надкусить ее, – явно голодным голосом вставил я.

– Расщепить на составные части, попробовать на вкус, охватить сознанием кусочек, если не хватает сил на целое, – закончил старик.

– И чудо заключается в том, что человек может постичь таким образом любую тайну Вселенной, – воскликнул я возбужденно.

– Да, мой пронцательный Адам, только в том случае, если находишься в Раю.

– Опять условие, – расстроился я.

– Необходимое и достаточное, – поставил точку в обсуждении этого вопроса хозяин удивительного заведения.

Во время путешествия по Раю я, знаете ли, постоянно пытался открыть глаза. Райские чудеса увлекали меня, их «осмотр» был познавательным и весьма интересным, но я, не имея возможности созерцать окружающую обстановку и собеседника, чувствовал себя неуютно, будто стою совершенно обнаженный перед кем-то, но не видя себя со стороны, стесняюсь собственного несовершенного тела.

Старик вновь уловил мои мысли:

– Не смущайтесь, Адам, нагота – ваше естественное состояние, фиговым листом прикроетесь позже, а пока направимся к Четвертому Чуду, Райскому Языку. В Раю все понимают друг друга, человек может разговаривать с животными, обращаться к деревьям и травам или, например, вопрошать воздух на предмет нисходящих или восходящих потоков сию минуту и в определенном месте. Не нужно догадываться о чем-либо или фантазировать по поводу, Великий Дар Всеобъемлющего Языка позволяет знать обо всем и понимать, как в этом всем себя вести.

– Как жаль, что такая возможность существует только в Раю, иначе я поинтересовался бы у стула, не слишком ли тяжел мой зад для его спины? – усмехнулся я, но старик остался невозмутим.

– Не только в Раю, – рассудительно продолжил он, – в любом месте, и на Земле в том числе, главное, чтобы собеседники пребывали в состоянии Рая. Носи Рай в себе и будешь слышать все и вся, а встретив носителя Рая, без труда найдете общий (райский) язык.

– Потрясающе, – прошептал я.

– Потрясающ тот факт, что никто из людей не пользуется этим благом, – проговорил старик. – Отправляемся дальше, Адам, впереди много интересного.

– Каково же Пятое Чудо Рая, мудрейший из мудрецов? – воодушевленно воскликнул я.

– Не буду заставлять тебя ждать, но осознал ли ты Четвертое Чудо?

Я помолчал, размышляя над сказанным, а затем ответил:

– Если нет понимания меж людьми, значит, или один из них, или оба они не находятся в Раю.

– Адам, – снова захлопал в ладоши мой гид, – ты – большая умница. Пятое Чудо Рая – это Райский Свет, коим наполнен Эдем, каждый уголок его, каждая складка земли, каждая корпускула воздуха. Он просвечивает человека насквозь, но не тело, а мысли, желания и эмоции. Знай об этом, входящий во Врата Сада, ибо ничто не сокрыто станет ни от себя самого, ни от других. Чистый помысел засияет золотом Истины, низкий умысел оплавится под Райским Светом, причиняя страдания духовные, именно так проходит Чудо Очищения.

Мне пришла в голову мысль, я рассмеялся и сказал:

– Если Райский Муравей договорился с Райской Мортирой, и они не трогают друг друга, то, озаренные Светом, видят помыслы свои.

Мой собеседник с радостью подхватил:

– Точно, пушка видит вероломное желание насекомого столкнуть ее с палубы, а муравей – не менее вероломную страсть к пальбе тяжеленными зарядами, а куда, не имеет значения.

Вдвоем мы загоготали, как безумные, хлопая себя по коленям столь рьяно, что грозили сломать ножки стульев и сбить пляшущее в диком танце пламя свечи.

Угомонившись, гид сказал:

– Райский Свет, уплотнившись, сошел на землю лучами, которые использует человек для заглядывания внутрь тела. Надеюсь, аналогия понятна тебе.

Аналогия была ясна мне с самого начала: мечтающий о Рае индивид должен понимать, что вход свободный, достаточно отбросить страхи и некоторые пагубные привычки. На обетованной территории нет проблем с едой, питьем и общением, на то он и рай, но имеется одна загвоздка: если отчаянный путешественник жил полной земной жизнью, то есть ежедневно попирает законы Божьи, данные им в Заповедях, то, войдя под своды Эдема, вполне вероятно и даже определено точно можно вспыхнуть свечкой, как те несчастные женщины, объявленные ведьмами и накрепко привязанные к столбам, обложенным сухим хворостом и людской ненавистью.

– Что ж, вижу, смысл ты уловил, – прозвучал голос старика, – трогаемся дальше. Шестое чудо рая – Господь Бог, его присутствие, его замысел, его любовь.

– Я думал, Бог вездесущ, он повсюду, – вставил несмело я.

– Так и есть, но та часть его, ипостась, что пребывает в раю, несет совершенно особую и определенную нагрузку, Адам. Присутствие Бога в раю есть отцовство человека, аспект заботы о сыне, жертвование частью себя. Человек, находящийся в состоянии рая, будь то мужчина или женщина, осознает в полной мере любовь к своему ребенку и готов к жертве им как части себя.

– Что ты имеешь в виду под жертвой? – удивился я.

Мой невидимый гид поскрипел ножками стула:

- Отпустить от себя самое дорогое с любовью и без сожаления – вот жертва Бога-Отца. Речь обо всем: о ребенке, о вещи, об энергии, об эмоции, о воспоминании, обо всем, что ценно и приросло к тебе, как к сути.

Я совершенно не предполагал, что разговор идет не только о потомстве, но и об обладании в самом широком смысле, о творчестве, о...

- О чем угодно, – добавил без труда читающий мои мысли старик.

- Вот это действительно чудо, – восхитился я полученными знаниями.

Все еще не видя сидящего напротив, я тем не менее чувствовал тепло и любовь, идущие от него, молчащего сейчас, но так много дающего мне этим своим молчанием.

- Дело не во мне, – слышал я его голос внутри себя, – Адам, а в тебе. Состояние рая – это присутствие Бога, ты сам согреваешь и себя, и окружающих: можешь открыть глаза и убедиться в этом.

Я с удивлением поднял невесомые веки и увидел потушенную свечу, но в комнате было тепло и светло. Седовласый старик улыбался во весь рот, и в глазах его отражалось мое лицо, освещенное мерцающим кольцом нимба.

- Я святой? – прошептал я потрясенный.

Старик отрицательно покачал головой:

- Нет, ты просто путешественник, прикоснувшийся к святости, но и это прекрасно, ведь так?

От переизбытка чувств я не мог вымолвить ни слова, только утвердительно кивал. Мой гид, не переставая улыбаться, сказал:

- Осталось еще одно, седьмое чудо рая. Догадаешься, что это?

Никаких мыслей, кроме нахлынувшего счастья и безудержных слез у меня не было.

- Не могу, - просто сказал я.

- Это ты сам, Адам. Человек в раю и есть седьмое чудо, ибо это состояние единения, слияния, возвращения. Разбитая ваза склеивается из мелких кусочков в единую форму, но не изначальную, а с прослойками клея. Этот клей - любовь обретенная, выстраданная, осознанная, приобретенный опыт через трансформацию разъединения-соединения, Создатель, осознавший себя через творение, и творение, осознавшее в себе Создателя.

Старик встал со стула, подошел к двери и сказал: «Путешествие закончилось», после чего вышел на улицу, и в комнате стало темно.

Я рванул за ним, но мое тело прилипло к стулу намертво, равно, как и сам стул к полу.

«Отдохни чуть-чуть», - пронеслось в голове, я перестал неуклюже дергаться на своем месте и задремал.

Не будь у вас хронометра, наручного или с кукушкой, в золотом корпусе или, на худой конец, в стеклянной колбе, заполненной песком, смогли бы вы определить, сколь долго спали? Вот и я, очнувшись, не имел возможности выяснить, как долги были и сильны объятия Морфея. Толкнув дверь наружу, первое, что я увидел посреди несмолкающей бурлящей людской реки, был стоящий человек, поразительно похожий на меня. Прохожие не стеснялись в выражениях по поводу моего присутствия на их пути, активно работая не только языками, но и локтями, я же стоял окаменевший и пристально смотрел в глаза самому себе.

Наконец здоровенный бугай характерным приемом вывел меня из статического состояния и, выпучив глаза от боли и удивления произошедшим переменам, я полетел в собственные объятия.

- Ох, - сделал я глубокий вдох, «проглатывая» собственное тело вместе с одеждой и остатками пищи в желудке.

- Ну как тебе? - слышалось из-под ног.

Я посмотрел вниз. На ступенях сидел непонятно откуда взявшийся пес, лопухий, тощий, блохастый, но очень милый.

Почему-то не удивившись тому, что обращаюсь к собаке, я спросил:

- Что?

Псина пошевелила челюстью, но вместо собачьего лая я услышал:

- Путешествие.

- Бесподобно, - ответил я лопухому и добавил: - Спасибо.

Ветер, уносящий семя

Старость трудно обвинить в излишествах, необдуманных словах и еще более необдуманных поступках, в холодной рассудительности или сиюминутной слезливости. Старость не истерична, не болтлива, но весьма и весьма капризна: ее требовательность к себе в высшей степени безгранична. Всего один немощный, пораженный десятком недугов и болячек старик без труда останавливает вечное движение Вселенной, изначально запущенное Создателем, и заставляет миры и галактики, нарушив гравитационные и магнитные поля, сметать континенты и цивилизации, сталкивая меж собой светила, рядом с которыми Альтаир - зернышко, вращая все вокруг собственного сморщенного, как кожа на лбу, эго.

«Это иллюзия», - говорим мы. «Это реальность», - бубнит старость. «Каждый прав по-своему», - улыбается далай-лама. Бог же молчит, он просто любит всех.

Старик, прислонив сгорбленную натруженную спину к разохшимся от времени доскам двери, сидел на ступеньке и вглядывался, может, с высоты холма, на

котором стоял дом, в пшеничные поля, обступившие подножие, а может, с вершины прожитых лет на судьбу, расстилавшуюся у него в сердце лоскутным одеялом вырванных из памяти событий.

Дом, каждый камень которого, забрав тепло и силу его рук, остроту глаз, крепость ног, да и самого Творца, превратил в божество собственную форму, заставив возлюбить доломитовую скорлупу более ближнего, более самого себя и, страшно подумать, более Бога. Вот он, бастион, воздвигнутый над сжавшейся в дряхлеющем теле душой, надгробный камень с окнами, спальнями, шторами, половичками, дверными косяками, кухонной утварью и дымовой трубой, через которую вылетело в никуда отведенное время.

«Я чувствую, его осталось немного», – подумал старик, и одинокая слеза, отдавая всю себя высохшим морщинам, исчезла, едва докатившись до середины щеки.

«Как и вся жизнь, – старик помотал головой, отгоняя печальные мысли. – Хорошо хоть успел дерево посадить», – он с гордостью посмотрел на широколистный дуб, занявший позицию прямо перед крыльцом. Старик вспомнил тот день, когда еще мальчиком принес из соседнего леса желудей наделать солдатиков и уже было взялся за нож, но отец, неодобрительно покачав головой, сказал:

– Разрезав единое, несущее в себе жизнь, привнесешь в этот мир, и без того полный страданий, еще одну смерть. Лучше посади семя, вырасти дерево и поумней вместе с его ветвями и листьями.

Старик улыбнулся. Мальчик тогда наделал солдатиков, как и хотел, но один желудь все-таки сунул в землю, пусть и нехотя, слегка припорошив его, и для надежности придавил каблуком.

Дуб, несмотря на столь безобразное к нему отношение, прижился и даже вырос футов до шестидесяти, ежегодно доказывая силу божественной жизни человеку, вечно сомневающемуся в этом факте и стремящемуся влезть внутрь процесса грязными руками сомнения. Мальчик успел стать взрослым мужчиной, когда появились первые желуди на его дереве, и надобность в детских армиях давно отпала, но осталась благодать тени в жаркий день и красота со-творчества человека и Бога.

«Крепкие стены под сенью раскидистого дуба, есть где укрыться от дождя и к чему прислонить спину, – неспешно рассуждал старик. – Только не слышать здесь голосов, кроме моего, сыном я так и не обзавелся».

Сначала девушки, а потом и молодые женщины, проявляли к нему нескрываемый интерес, но он был слишком занят кладкой стен и настилом кровли, подгоняя валун к валуну и соломину к соломине. Кто увлечен грубой материей, не думает о тонкой; глаз поработанного камнетеса видит изъян в камне, но не замечает гармонии окружающего мира. Семьи не случилось. Всю имеющуюся в себе любовь, заботу и переживания хозяин дома перенес на жилище, не расставаясь с ним, словно улитка, прячась внутрь все чаще и чаще, изредка выглядывая в окно проверить, на месте ли его великолепный дуб.

Листва шумела над головой, суетливо переспрашивая о чем-то, куда-то призывая, чем-то делясь и с ветром, запустившим свои длинные прозрачные пальцы в зеленую шевелюру, и со стариком, устало прикрывшим веки и твердящим про себя: «А ведь можно было по-другому...»

– Отчего слезы твои, отец? – раздался голос. Старик поднял опущенную голову: между ним и дубом стоял сын. – Что с тобой? – повторил он вопрос.

Стариковская доля – в ожидании, члены скрипучи и небыстры, мысли и того пуще: размерен поток их, русло витиевато, повороты, заводи, запруды. Сорванная случайно кувшинка вертится медленно, как бы нехотя, вот уткнулась лепестками в один берег, задумалась и направилась к другому, а там новый поцелуй и опять, через театральную паузу, к середине потока, чтобы, плавно покачиваясь, не нарушать общего покоя.

– Я не построил дом, сынок, – старик перебирает слова, как четки. – Не сделал чего-то важного.

– Зачем дом, отец? Дуб, что ты посадил, был тебе крышей от невзгод, под его сенью ты поцеловал маму, в его прохладе на свет появился я.

– Но что останется тебе после меня? – запричитал старик.

– Дуб, твой дуб будет моим, – успокоил его сын.

Старость не только капризна, но и упряма.

- В дуб может попасть молния, крот подточит его корни, термит сожрет плоть, а засуха - листья, и тогда не останется ничего.

Сын подсел к старику:

- Но ведь дом столь же хрупок: подлый враг разрушит стены, землетрясение разверзнет холм и поглотит все, уживающееся на нем, или завистливый сосед спалит крышу темной ночью.

- Дом - не просто стены, сын, - старик снова искал «кувшинку» в своей голове. - Это любовь, которая жила в них, твой смех и материнские слезы. Дом - это эхо прожитого, неумолкающее в укромных уголках чердака или под лестницей, ведущей в погреб. Дом - это... Даже над развалинами или пепелищем будет витать нечто, притягивающее сюда всегда.

- Отец, слова твои звучат проникновенно. Отчего же ты не построил столь прекрасный дом?

Старик влажными глазами посмотрел на сына:

- Я был занят твоей матерью. Наши отношения пожирала все мое время, все силы и помыслы. Она заменила мне Бога. Теперь, прожив годы без нее, я понимаю: любое замещение его, любая подмена - путь ограничения души, но, увы, поздно, и дома уже не построить...

- Отец, мне тяжело видеть твои слезы, - немолодой человек обнимал старика за худые плечи, стараясь успокоить его. Большая светлая комната впускала в себя солнечный свет через широкое окно, за которым обезумевший от счастья ветер стряхивал с одуванчиков белые паппусы, вовлекая в свой безудержный танец деловитых шмелей и легкомысленных бабочек.

Сын и отец в пустом доме на цветущем холме, окруженные облаком пыльцы и туманом безвременья, - вечная картина земного бытия в позолоченной рамке обстоятельств.

- Я выстроил дом и вырастил тебя. Оба эти блага замкнуты на мне: мой дом, мой ребенок, мое, мое... - старик вздохнул, оглядывая стены, коими отгородился от внешнего мира. Тихий человек, поселившийся в тихом месте, скототивший свою крепость, не потревожив ни одной птицы, вырывший ров вокруг нее, не спугнув ни одной полевой мыши, обвенчавшийся со своей супругой так, что Всевышний случайно узнал об этом, явивший миру сына, ни разу не крикнувшего: «Мир, я здесь!»

- Чего же не хватает тебе, отец?

- Деревя, я не посадил дерево.

- Ты сделал многое другое.

- Но все - для себя и ничего для мира, - старик снова вздохнул и продолжил: - Сходи в ближайший лес, сынок, самому мне не дойти, принеси семя дуба - быть может, успею вложить его в землю и дождаться ростка.

- Я сейчас, отец, я быстро, - мужчина поднялся с места и выбежал из дома.

- Только будь осторожен, сынок, клыкастый зверь или лихие люди... - прошептал старик и умер.

- Что выберешь? - голос, неприятно дребезжащий в голове, прозвучал отовсюду.

Душа съежилась: выбор, снова выбор... Здесь это чувствуется предельно тонко. Все три судьбы казались ей печальными, тусклыми, нежелательными. Душа-спутница так и не появилась при просмотре, а ведь в двух случаях она была. Сын, почти никак не проявивший себя, что за человек получился, дом из одной комнаты, а как выглядят остальные?

Душа решила поторговаться с голосом:

- А вариант с домом, сыном и деревом одновременно не рассматривается?

- Этот вариант не рассматривается советом, но есть еще и твой голос.

- Я за, - быстро ответила душа.

Голос усмехнулся:

- Есть препятствие, видимое совету, но не осознаваемое тобой.

- Что видит совет? - настороженно спросила душа.

- Твой кармический такт. Из трех семян одно унесет ветер, всходы дадут только два.

- Невезучая я, - разочарованно протянула душа.

Голос снова усмехнулся:

- У большинства воплощенных ветер уносит все семена.

- У большинства? - изумилась душа.

- Воплощенный может пребывать в собственном жилище, окруженный детишками, и любоваться через окна плодоносящим садом, но при этом не иметь ничего, - голос сделал паузу, - кроме Бога, которого не видит, заставленный атрибутами плотного бытия.

- Мне надо подумать, - взмолилась душа.

- Тебе надо осознать, - отрезал голос. - У тебя секунда.

- Пусть решит совет, - торопливо сказала душа, боясь пропустить срок воплощения.

- Совет, не услышав твоего голоса, выберет наилучшее для сущего, - голос, утверждая, казалось, задавал вопрос.

- Наилучшее для сущего - разве это плохо? - удивилась душа.

– Создатель хочет смотреть на себя критически, для этого части его наделены выбором. Решение совета будет нейтральным для тебя, воплощение пройдет по принципу «не навреди».

– Всеми существам? – вставила душа.

– Да, но без движения в духе останешься ты, – констатировал голос.

– Моя секунда еще не прошла? – заволновалась душа.

– Для осознания и принятия выбора, твоя секунда – вечность. Время в руках Творца безгранично, но не злоупотребляй им. Совет ждет твоего голоса, у тебя секунда.

Душа обратилась к просмотренному. Прожить жизнь, стирая в кровь ладони при обтесывании камней, любясь сквозь облако доломитовой пыли на дерево, посаженное случайно и без желания, отказывая себе при этом в семейном счастье... Бр-р-р-р... не хочется. С другой стороны, замкнуться в тихом семейном мирке, окружив его валом отчужденности и самости настолько, что, закопавшись с головой, превратить собственную жизненную историю в могильный холм, на котором не то что дерево, крапива не захочет расти. Не хочу. И многим ли будет отличаться бытие с семьей под почти райским древом, дрожащей от дождя и холода вне стен, коими не озаботился я по причине пустых грез и мечтаний, от предыдущих вариантов? Нет, не многим.

Ветер, уносящий семя, одно из трех, не принесет покоя и удовлетворенности душе, ибо он... и есть мой голос. Голос, стремящийся сказать, поведать, направить, подсказать.

Осознание – это миг, тонкое пространство между тьмой и светом, промежуток от «не было» до «стало», и оно пришло к душе.

– Я выбираю Бога, – сильнее громов земных прозвучал голос души, – и передаю свое желание совету.

– Совет принял его, – ответил голос. – Твое воплощение начинается, ветер стих, в добрый путь.

Колыбель

Успокой меня, Боже,

Материнской рукой,

Что качнет из рогожи

Мой ковчег подвесной.

Знавал я одного молодого моряка, знаете, из тех, кто неприметен в бою и тих в компании, но вот именно такие недотепы, серые мыши, невзрачные и вечно отстраненные от всего, иной раз решают исход сражения, когда из орудийной прислуги, маленького человечка, всего лишь подносящего ядра к вечно голодному пушечному жерлу, по замысловатому капризу Фортуны становится вдруг испуганный юнга настоящим канониром и, заменив убитого прицельного, зажмурившись для верности, подносит фитиль к запалу, отчего заряд, выпущенный таким безобразным с точки зрения военной науки способом, влетает через ряд пробоин прямехонько в пороховой погреб вражеского линкора, превращая многопушечную машину в груду щепы, окутанную гигантским облаком дыма.

Но поскольку голос столь блестящего выстрела слился в тот момент с залповым хором, наш герой остался без заслуженной награды, хотя некоторые особо крикливые с верхней палубы пытались возложить лавровый венок победителя на свои бесстыдные головы. В конце концов виктория была поделена между командой равными долями рома и хвалебными речами, коих хватило бы и на потопление целой эскадры.

Ночью новоиспеченный канонир, болтаясь в полотняном гамаке, рассматривал балочное ребро квартердека, обгрызенное прямо над ним ядром противника в сегодняшнем бою. Не спалось. Молодой человек думал о превратностях судьбы, о случайностях и поворотах, придающих пресной, с легким оттенком уксуса

жизни вкус хорошего портового вина. Еще утром противник, заметив их фрегат, втрое уступающий по вооружению, погнался за легкой добычей, не подозревая, что к полудню обречен на гибель неумелой рукой юнги, которому нынче ночью глаз не сомкнуть, ибо не глядя отправил на дно три сотни человеческих душ и явись перед ним сейчас архиепископ Мир Ликийских святой Николай Угодник да востребуй ответа за содеянное, так он и знать бы не знал, чего глаголить и как отвечать.

Вспомнились ему тогда вдруг матушкины очи над колыбелькой и беленый каменный свод потолка. Качает маменька люльку, меняется лик ее с потолочной кладкой, потом назад, от белизны камня к голубизне глаз ее, и снова в темноту трюма, к обезображенной балке, которую надо бы укрепить, и боцман точно ткнет обрубленным пальцем в нее, но это завтра, а пока мама качает сыночка то ли рукой, то ли любящим взглядом.

- Маменька, - шепчет юнга, - неужто вы родили меня убить столько людей?

Мурашки бегут по коже, совсем юного канонира начинает трясти.

- Тише, тише, сынок, - отвечает женщина. - Каждый приходит в этот мир для чего-то: кому и мухи не обидеть, а тебе - потопить целый корабль.

- Но я не хотел! - восклицает юноша.

- Какого черта? - слышится из соседнего гамака.

Мама улыбается, глаза ее светятся нежностью:

- Всякая работа на Бога в почете, даже самая грязная.

- Но не убийство, маменька, - уже не скрывая слез, шепчет юнга.

- Сначала стрелять научись, - ворчит гамак слева.

Боковая волна, ухнувшая в правую скулу фрегата, отрывает юнгу от матушкиных глаз и кидает в объятия боцмана:

– Разговорчики, салага, твое бормотание слышно на полубаке. Если не заткнешься, отправишься в гости к морскому черту, там наговоришься.

Он раздраженно выпускает из своих лап гамак, и юноша возвращается к сиянию материнских глаз:

– Война, как и жизнь в целом, – это энергообмен. Любишь – делишься светом, убиваешь – питаешь тьму. Либо наполняешь Бога, либо отнимаешь у него.

– Не пойму, мама, – забывшись, снова вслух вопрошает юнга.

– Чертов слизняк не даст спать, – гамак соседа начинает недобро вибрировать.

– Нет ничего страшного, когда черпаешь из бесконечности, но восполнять ее – вот это поистине прекрасно.

– Богу все равно, убийца перед ним или святой? – возбужденно шепчет молодой человек.

Вместо ответа мама отталкивает от себя колыбельку, и перед глазами проплывает потолочный свод – небеса младенца с лампой вместо солнца и трещинами меж камней взамен невидимых линий созвездий. Корабль путешественника в этом космосе останавливается в дальнем пределе и вновь возвращается в земную юдоль, к материнским рукам.

– Бог видит разницу только в выборе, – спокойно отвечает она, – берешь или возвращаешь.

– Надо же, – выдыхает удивленно юнга.

– Надо бы тебя утопить, и прямо сейчас, – переходит к угрозам соседский гамак.

И колыбель медленно опускается в пучину, зеленой вуалью затуманивая взор, веки смежаются, и ребенок засыпает...

– Юнга, – голос незримой рукой хватается за грудки и вытряхивает из гамака юного матроса. Он большими глотками хватается воздухом ртом, открывает глаза:

– Я утонул?

– Недалек тот час, сынок, – его заряжающий недовольно смотрит на помятый вид напарника.

– Боцманский свисток и дьявола поднимет с того дна, где он обитает, да видно, только не тебя. К орудию, нас догоняют.

Он бросился на опер-дек, к своей «малышке», юнга последовал за ним, не осознавая происходящего: то ли во сне, то ли наяву. Открыв пушечный порт, юнга, даже не взглянув на восходящее солнце, подкатил к «малышке» дюжину чугунных шаров, зафиксировал их петлей и замер в ожидании команды. Через мгновение тихо стало на всех палубах – на то он и военный фрегат: все быстро, четко и в срок. Стрелки оседлали ванты, канониры просушили запалы, боцман отсвистал «К бою готов».

Прицельный выставил рыжую бороду через порт наружу и глянул в фарватер. Подержав красный мясистый нос на ветру пару минут, он убрался внутрь и авторитетно заметил: – К полудню догонят, можешь доспать.

Юнга свернулся калачиком вокруг смертоносных зарядов, закрыл глаза и... белый свод потолка сменился маминым лицом.

– Меня ждет бой, мама.

– Тебя ждет выбор, сынок.

– Выбор чего, мама?

– Положения своей колыбели.

Юнга заворочался во сне, старый моряк взглянул на него и покачал головой:

– Кутенок, ей-богу, переживет ли сегодняшний день?

– Мама, расскажи про колыбель, – шепчут губы юноши.

– Бог каждое дитя свое поместил в колыбель из света и любви и качает ее, когда нужно сделать выбор, прямо как мать, когда успокаивает своего малыша, и каждый выбирает, остаться при Боге или вне его, – матушка отталкивает от себя мальчика, и юнга летит прочь от тепла ее рук и ласки глаз.

– Так что же мне, не стрелять? – кричит он исчезающей вдали матери.

– Без команды – нет, – хохочет канонир, глядя на растрепанного от видения юнца, и тычет пальцем в просвет пушечного порта.

Там вырисовывается хищный бушприт линейного корабля, грозный красавец заходит на залп правым бортом, тридцать два орудия зияют чернеющими жерлами, жадно высматривая добычу.

– Не повезло нам, сынок, – спокойно говорит канонир, – заряжай.

Юнга проворно вкатывает в пасть «малышки» ядро, но прицельный не успевает даже коснуться ее пока еще холодного тела, как противник, не дожидаясь выравнивания бортов, дает залп. Его трехрядный сине-золотой фасад, гордость корабелов, укутывается в белесое одеяло порохового дыма, изрыгнув из мягких складок черный рой чугунных жал.

Известное дело, на адмиральский корабль берут лучших пушкарей: парни прекрасно знают свое дело, в результате которого на фрегате сбита грот-мачта, от бизани осталась половина, фальшборт квартал-дека превращен в уродливую пилу, а сама палуба будто подметена гигантской метлой: ни людей, ни пушек; завершают картину болтающиеся на вантах в самых неудобных позах тела стрелков.

Но наступившую тишину разрывает команда лейтенанта «Бей», и оглушенный юнга поворачивается к напарнику – тот сидит возле своей «малышки» с запалом в руке, но совершенно без головы. Молодой моряк бросается к нему, выхватывая пальник из костенеющих пальцев, и подносит к пушке...

Колыбелька возвращается к матушке, в теплые объятия ее глаз.

– Для Бога важен выбор, – шепчет она, не двигая губами.

Фрегат дает ответный залп, но без «малышки», юнга задувает фитиль и подходит к порту – красавец линкор, слегка потрепанный после ответа с фрегата, выставил наконец роскошный борт для полного залпа. Секунда, и он погружается в облако белого дыма, а юнга – во тьму...

– Мама, я умер?

– Нет, сынок, ты только родился.

– А что стало с фрегатом?

– Он потоплен.

Колыбель плавно качается, как обломок обшивки на волнах. Мама улыбается, будто ничего не произошло.

– Нас сожгли, потому что я не выстрелил?

– Ты сделал свой выбор, в том месте и времени несколько сотен душ должны были скинуть плотные оболочки, что и произошло. Когда варят бульон, не важно, в каком месте лопаются пузыри.

– Люди – бульон для Бога?

– Бог и есть бульон, энергетический, люди же – его состав, их действия приводят к кипению.

– И гибели, – всхлипывает «новорожденный».

Колыбель медленно переворачивается и опрокидывает свое содержимое в воду. Глаза не видят дна, только сгущающуюся внизу темноту.

– Лопнувший пузырь теряет форму, но не суть, – звучит под водой успокаивающий голос матери.

Знавал я одного юнгу, знаете, из тех, кого больше прельщает сияние звезд на небе, нежели блеск золота в карманах, и не потому, что первого в избытке, когда солнце передает свою вахту луне, а второго не водится ни днем, ни ночью. Привычные резоны молодых людей понятны их старшим товарищам без объяснений – карьера, науки, женщины вкупе с безудержными увеселениями и пагубными пристрастиями к табаку и горячительным составам. Но наклонности нашего героя отличались от общепринятых в той среде, где угораздило очутиться ему вместе со своими фантазиями, явно неуместными на борту военного фрегата.

Сказать, что он выделялся из трех десятков молодых бедолаг, которых или сдали на службу обессиленные от вечных проказ родители за пригоршню монет, или невменяемых прихватили хитрые рекрутеры за кабацким столом, заказав по пинте эля перед подписью на контракте капера, – значит соврать. Он не просто выделялся, он сиял тем светом, что притягивает и пугает одновременно, он был другой, чужой, не мы.

Боцман определил его в канонирскую прислугу, грохнув свою огромную пятерню на худое плечо юнги:

– Блаженному только ядра подкатывать, на большее не согдится.

Старый канонир, в пару к которому определили юношу, рассказывал, как тот бормотал по ночам во сне сам с собой, выясняя у невидимого собеседника, что ему следовало бы сделать. Слово «выбор» звучало чаще остальных и возбуждало юнгу на раскачивание гамака. Крепкая затрещина успокаивала парня, мешающего своей болтанкой остальным, он засыпал, но несколько раз моряк видел собственными глазами, как его гамак замирал в неестественном с точки зрения физических законов положении.

Подобные заявления вызывали гомерический хохот у матросов, дружно советующих канониру не злоупотреблять ромом на ночь. Пушкарь клялся морским чертом и Девой Марией, чем усугублял свое положение – смех становился громче, а шуточки в его адрес язвительнее.

Тремя неделями позже фрегат достиг экватора. Новичкам спустили парус в море и дружескими пинками скинули их в океан. Каждому впервые пересекающему эту воображаемую, но такую важную для моряков линию капитан предлагал пинту

рома или иное желание, на выбор. Большинство соглашалось на выпивку, кто-то просил табаку, кто-то отменял ближайшую вахту, самый молодой пересеченец посягнул на святая святых: дунуть в боцманскую дудку. Наш герой, ей-Богу чокнутый, пожелал сойти на ближайший берег, что встретится по курсу, без разницы, будет он заселен кровожадными туземцами или необитаем вовсе.

Капитан сперва обомлел от такой просьбы, но, посмотрев в глаза юнцу, справедливо рассудил, что будет лучше избавиться от такого балласта, тем более по его же просьбе, но для порядка, недовольно сплюнув, проворчал:

– Как угодно, юнга, препятствовать безумию не стану. До земли пять дней ходу, это архипелаг из нескольких небольших островов, губернатором одного из них вы назначите себя сами.

После сказанного он выпустил в сторону юнги столь восхитительное табачное облако, что юноша громко чихнул, ударившись лбом о грот. Взрыв хохота команда сотворила такой, что могла поспорить с канонадой при известном сражении сэра Моргана, уже на службе Ее Величества с тремя испанскими галеонами, когда флагман палил с такой скоростью, что орудийная прислуга плескала воду на раскаленный чугун пушек, не боясь залить запальные отверстия, ибо те высыхали мгновенно, и можно было возобновлять стрельбу сразу же.

Кэп знал что говорил – благоприятный попутный ветер к заявленному сроку подогнал фрегат к весьма скромному каменному пузу, торчащему из океана футов на сто, не больше. Когда лот показал близкую песчаную отмель, бросили якорь и на всякий случай дали выстрел по группе кустарников, спугнув при этом с десятков мирно дремавших там пернатых обитателей этих земель. Стая сделала круг и вернулась на прежнее место, видимо, не имея возможности податься куда-то еще.

– Ваши соседи, юнга, – ухмыльнулся боцман, подходя к штурмтрапу. Вся команда, кроме вахтенных, собралась тут же в ожидании развлечений, столь редких в дальних походах. Молодой человек легко перемахнул через фальшборт и задержался на верхней перекладине.

– Не передумал, сынок? – безразличным тоном спросил капитан. – Может, оно того и не стоит?

– Вы уходите в неизвестное известное, я же остаюсь в известном неизвестном, – ответил юнга.

– Парень, – возмутился боцман, – а нельзя ли просто спуститься к воде и не испытывать наше гостеприимство?

– И что же это значит? – поинтересовался капитан, которому вся эта болтовня начинала порядком надоедать.

– Это значит, сэр, что, выбирая войну, вы выбираете смерть, – юнга лучезарно улыбнулся.

– Что же выбрал ты? – капитан красноречиво посмотрел в сторону одиноко торчащего среди бескрайней воды безлюдного куска скалы.

– А я выбираю смерть, чтобы не выбирать войну.

Подобное жонглирование словами весьма забавляло команду.

– Эй, юнга, может, пинту рома и не надо выбирать смерть? – предлагали одни.

– Только пусть сначала спустится и прополощет подштанники, – язвили другие.

– Вы превратили военный корабль в торговца, молодой человек, – прервал перепалку капитан. – Спускайтесь, мы уходим.

– Поднять якорь, брамсель ставить, живо, бесхвостые обезьяны, – заорал боцман. Все бросились выполнять команды, и на юнгу, соскользнувшего с трапа в море, уже никто не обращал внимания.

Остров, до которого ему предстояло добраться, входил в состав архипелага из еще пяти таких же кусков остывшей лавы, растянувшихся на двадцать миль в форме подковы. Шестипалый вулкан, проснувшийся на глубине много веков назад, успел вытащить наружу только кончики своих раскаленных пальцев. Если представить себе описываемые события на большом пальце, то возле мизинца разворачивалась схожая сцена.

Четырехмачтовый шестидесятипушечный гигант снялся с якоря, оставив в кильватере маленькую шлюпку с юнгой, пожелавшим сойти на одиноком, лишенным всего, что может расти на клочке земли, лысом островке, лишь бы не продолжать пребывания на несущем смерть судне.

Последними словами этого странного юноши, покидающего борт линейного корабля, были:

- Выбирая смерть, смерть и получите.

Возвращение

Вымаливаешь не свое,

Ибо твое все уже при тебе.

Мир со всеми его запахами, полутонами, красками, рефлексиями и утопиями, иллюзиями, маниакальностью и безответственностью, святостью и возвышенностью, Содомом и Гоморрой, массовостью и вождизмом, и Иисусом Христом, одиноко распятым над многочисленными шахтами баллистических ракет, в одночасье лишился... меня.

- Невелика потеря, - скажете вы и будете чертовски правы. Что я, мазок на полотне Моне, тот, случайный, которого Клод и не заметил, по сути, клякса. Убери его и что?

- Это уже будет не Моне, - возразит искусствовед.

- Халтура, - поддакнет критик.

- Конечно, нет, - заступлюсь я за мастера, - великое останется великим и любоваться творением Моне, как и Создателя этого Мира, не перестанут, ибо

один мазок исчезает, давая место другим...

Я стоял на перроне в полном одиночестве. Паутина ржавых стальных балок над головой, казалось, с трудом удерживает в своих проклепанных пальцах мутные стекла, через которые едва пробивался желтоватый бледный свет. Воздух был влажен, тяжел и сперт и нес в себе тревожную зловещую тишину. Если в этом мире и существовала жизнь, она едва теплилась в моем съезжившемся сердце, каждый удар которого с испугом отзывался в грудной клетке приглушенным «тум».

Там, где железные лапы причудливого навеса упирались в пол, скапливалась тьма, пряча в своих объятиях нечто, чьи взоры холодили спину и парализовали шею. Оторвать взгляд от путей и обернуться было страшно, очень страшно. Рама навеса, словно под чудовищным давлением желтого свечения, кряхтела в местах, где ее кости соединялись друг с другом искривленными болтами, полупрозрачные стекла трещали сложными узорами по той же причине; что-то, походившее на звуки падающих капель в пустое ведро, методично отдавалось в моей голове каким-то inferнальным метрономом, отсчитывая, отсчитывая, отсчитывая...

«Тум», – ухнуло в груди. – Зачем я здесь?

«Тум-м-м-м-м», – загудело в позвоночнике. – Я жду поезд.

– Какой поезд, что за поезд? – засуетилось внутри. – «Тум, тум, тум».

На спине цепко закрепилась колючими глазами темнота, так хочется повернуться и посмотреть туда, но я жду поезд и не могу отвести взгляда от путей. Я боюсь пропустить его и остаться здесь, в этом ужасном месте с его гнетущей музыкой железного оркестра под мутно-желтым небом.

Вот-вот подойдет поезд и отвезет меня на другой вокзал, туда, где хорошо, где свет и люди, я уверен в этом и готов терпеть на этом жутком перроне сколько нужно, только пусть поезд обязательно придет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/voronov_roman/sem-chudes-rawa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)